

ТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА СТАНОВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена исследованию творчества в контексте представлений о человеке как природно-социально-духовном существе. Автор показывает, что творчество является такой формой становления индивидуальной целостности человека, которая служит выражением духовного содержания этого процесса.

Ключевые слова: человек, целостность, становление, духовное, творчество.

Человек есть существо, в каждый момент жизни обнаруживающее себя как нечто целостное, относительно завершенное. Наряду с этим индивидуальная целостность человека возникает с возникновением его самого и находится в состоянии непрерывного становления, никогда не бывая ставшей. Собственно, человеческая целостность – это сам человек, исключительно сложное, многореальное и вместе с тем – качественно определенное существо, которому присуще структурно-функциональное единство всех его частей.

Будучи изначально локальной актуально-потенциальной становящейся целостностью, человеческое существо взаимодействует с доступными ему иными локальными целостностями – фрагментами необъятного в своей целостности Мира. Осваивая становящегося себя и пространственно-временные условия своего осуществления, человек обнаруживает различным образом организованные целостности. Самоутверждаясь в процессе взаимодействия с ними, он непрерывно обретает себя – истинного, сущностно актуализирующегося, или же ложного, отчуждающегося от собственного естества.

Сознание человека спонтанно и вполне естественно расчленяет целостный Мир на три частных, качественно различных мира, природный, социальный и духовный, каждый из которых столь же естественным образом оказывается одной из трех относительно самостоятельных сфер его существования. Кардинальные отличия этих миров друг от друга и, соответственно, тех сторон или частей целостного человеческого существа, которыми оно реализуется в каждом из них, состоят в следующем. Природный мир материально-вещественен, человек же представлен в нем своим организмом, то есть телом с определенным набором органов. Организм человека, подобно организмам всех других живых существ, всецело подчинен законам

природы. Социальный и духовный миры, будучи надприродными, вполне определенно различаются между собой по качеству. В социальном мире, обобщающем собой всю совокупность многообразных отношений, складывающихся между людьми, человеческий индивид выступает как личность, то есть комплекс, более или менее слаженный «ансамбль» тех социальных ролей, которые он, в соответствии с законами, присущими обществу, осваивает и разыгрывает на протяжении всей своей жизни. Духовный мир, манящий людей возможностью приобщения к тайнам бытия, к абсолютным Истине, Добру и Красоте, раскрывается перед каждым из них как некое конкретно-исторически опосредованное единство высших вневременных идеалов человечества. В этом мире находит проявление душа человека – третья из сторон его целостного существа, его внутренний мир. В условиях реального приобщения индивида к высшим идеалам душа оказывается средоточием его духовного бытия. Следует отметить, что специфика духовного мира состоит, в частности, в том, что если ему и свойственны какие-либо фундаментальные законы, то прямого, фундирующего отношения к каждому единичному человеческому существу они, скорее всего, не имеют. Также надо подчеркнуть и то, что человек, сосредоточившийся на актуализации своих природных и социальных потенций, вне зависимости от меры проявления активности неизбежно детерминирован внешними для него реалиями соответствующих сфер его существования. Что же касается духовной стороны сущности и существования человека, то сугубо внешняя детерминированность оказывается здесь принципиально невозможной.

В большинстве складывающихся жизненных ситуаций для субъективно комфортного самоосуществления человеку вполне достаточно адаптироваться к природно-социальным ус-

ловиям своего существования. Тем не менее, претерпевая в процессе взаимодействия с доступными ему фрагментами Мира разнородные и разнохарактерные воздействия, изменяясь в ответ на них и оказывая встречные адаптирующие воздействия на их источники, всякий человек когда-либо обнаруживает природно-социально заданный предел собственного мироотношения. Чаще всего он, осознав свое попадание в тупик природно-социальной детерминированности, принимает предельность своего мироотношения за его естественный атрибут и более или менее быстро и безропотно смиряется с этим.

Но так случается не всегда. Иногда человек отыскивает и взращивает в себе духовные силы, необходимые для преодоления этого предела посредством его деятельного, созидательного непризнания. Тем самым он в той или иной мере отказывается от адаптации и переходит к другой, в сравнении с ней качественно иной форме становления индивидуальной целостности, предполагающей порождение чего-то нового, не выводимого напрямую из уже имеющегося. Иными словами, человек приобщается к творчеству, к движению в направлении от преходящего к вечному.

Творчество, с точки зрения Платона, – это все то, «что вызывает переход из небытия в бытие» [6, с. 115]. «Человеческое творчество, – отмечает С.А. Левицкий, – есть всегда воплощение сущего в бытии» [5, с. 159]. Надо полагать, что иного пути подлинного приобщения человека к бытию, недвусмысленного обозначения себя в нем просто не существует.

Вместе с тем обобщенный опыт творчества вполне явственно свидетельствует о том, что творческая доминанта вовсе не является атрибутом всех без исключения составляющих индивидуального мироотношения человека на каждой из стадий его жизни. Поэтому реальная деятельность индивида далеко не во всех случаях имеет по-настоящему творческий характер, то есть осуществляется исключительно посредством синтеза интуитивного порождения фантастических образов действительности, их критического осмысления, эмпирической проверки и элиминирования всего нежизнеспособного. Более того, в целостной деятельности, в составляющих ее двигательных действиях и интеллектуальных операциях всегда сосуществуют, взаимопроникают и взаимодополняют друг

другое творческие и нетворческие, репродуктивные стороны. А потому надо, вслед за Б.С. Братушем (и, впрочем, не только за ним), осознать, что не стоит «приписывать творчество какому-то особому роду деятельности; это характеристика куда более широкая, атрибут полноценной жизни человека» [3, с. 34].

«Творчество, – как полагает С.Н. Булгаков, – требует для своего существования двух условий: наличности, во-первых, замысла, свободы изволения и, во-вторых, мощи, свободы исполнения» [4, с. 156]. Соглашаясь с выдающимся отечественным мыслителем, следует подчеркнуть, что наличие этих условий позволяет творчеству быть не только и не столько созидательной активностью, порождающей что-нибудь новое, но и обеспечивает его существование как формы становления человеческой целостности тогда и только тогда, когда индивид оказывается свободным внутренне, когда ему свойственно деятельное непризнание «предельности» природно-социального предела собственного мироотношения. Само же творчество есть открытый, хотя и не всегда осознанный, бунт осуществляющегося, становящегося человека против во всякий момент осуществленной, ставшей природно-социальной человекоразмерности доступных фрагментов Мира, против собственной безальтернативной вписанности в наличные условия всецело детерминированного механического существования, против окруженности всем состоявшимся, застывшим и омертвевшим, превратившимся в декорации бессмысленного спектакля, участники которого – ведомые марионетками марионетки играют роли марионеток. Творчество есть отказ человеческого существа от природно-социального прозябания, заменяющего подлинную жизнь, всецело реализующую его естество.

Необходимо уточнить, что для достижения успеха (а точнее, того, что реалии природно-социальной действительности конституируют как успех) во многих обыденных ситуациях человеку вполне хватает его природных и социальных сил. Но даже предельная мобилизация только этих сил явно недостаточна для обретения человеком подлинной свободы, а значит, и для творчества. Именно применительно к творчеству обнаруживается собственно человеческая внеположенность относительно природы и общества. Осуществляя себя только как при-

родное и/или социальное существо, человек оказывается всецело детерминированным. Но наряду с этим одновременно и однопространственно он представляет собой существо духовное, чуждое каким бы то ни было процессам и явлениям приземленной природно-социальной действительности, «способное, – согласно Н.А. Бердяеву, – возвыситься над собой, и это возвышение над собой, трансцендирование себя, выход за замкнутые пределы самого себя есть творческий акт человека» [2, с. 25].

Творческий акт реализуется как нарушение наличной целостности мироотношения и обретение его обновленной, иным образом организованной целостности. Человек, продвигающийся к собственным сущностным пределам, трансцендирует за пределы наличного существования, опредмечивает свои природные, социальные и духовные силы в чем-либо новом, ранее не имевшем места в его собственной жизни и/или в жизни иных людей.

Творчество – это активное, самозабвенное, зачастую самоотрицающее созидание, актуализация себя в ином, прежде не существовавшем и воплотившемся в жизнь посредством творческого акта. Творчество суть феномен духовно-душевный, а значит – воистину человеческий. Обнаруживают результаты творчества утилитарные свойства и потому «присваиваются» обществом или же отвергаются им как нечто недостойное места в сложившейся системе ценностей – все равно, сам человек-творец избегает участи унифицированной детали социального механизма.

Всякий единичный творческий акт временно выводит человека из западни природно-социальной детерминированности; творчество как способ существования есть путь к освобождению от бессмысленности жизни, конституируемой реалиями природного и социального миров. Непрестанный труд души, совершаемый в единстве с духовными исканиями, созидание в самом высоком его понимании – вот фактически единственная возможность обретения подлинно человеческой целостности. «В каждый момент своей жизни, – отмечает О. Уайльд, – человек представляет собой не только то, чем он был, но и то, чем он станет. <...> И если мне удастся добиться этого в полной мере, моя творческая жизнь найдет свое самое законное воплощение. Потому что творческая жизнь – это просто самосовершенствование» [7, с. 385]. Последнее представляется

безусловно верным – по крайней мере, применительно к обсуждаемым вопросам.

Истинное творчество предельно индивидуально, его процесс и результат уникальны. И даже если внешний наблюдатель и припишет творческому акту некий алгоритм, это вовсе не будет означать его воспроизводимости с гарантированным успехом. Специфика актуализации способностей и потребностей человека в творческой деятельности заключается в сочетании невозможности исчерпания их самих с недостижимостью полного совершенства получаемых результатов. У человека-творца всегда есть неиспользованный резерв, готовность его мобилизовать и всепоглощающее желание найти возможность сделать это даже наперекор самым неблагоприятным природно-социальным реалиям своего существования.

Полагаю, что человеческое существо будет по-настоящему целостным только при главенствующей роли творчества во всех многообразных частных проявлениях его естества. Впрочем, речь здесь, по-видимому, надлежит вести не о творчестве вообще, и даже не о творческой ориентации в мироотношении человека. Думается, что в данной ситуации уместным будет использование понятия креативности.

Креативность представляет собой частный случай творческой, ее высшее, возвышающее человеческое существо над преходящими реалиями наличного существования и в то же время – сугубо прагматическое проявление. О креативности можно говорить тогда и только тогда, когда усилия самого человека, совещенные им в рамках творческого акта, воплотились в чем-то качественно новым, актуально или же потенциально востребуемом людьми, а его собственные духовные сущностные силы при этом возросли. Как общая характеристика истинно человеческого мироотношения креативность есть сочетание устойчивой ориентации на творческое освоение действительности со стремлением к целостности, относительной законченности и положительной результативности каждого единичного творческого акта.

Что же касается людей, не нашедших (и не искавших) себя в творческо-креативном преобразовании доступных фрагментов Мира, то их удел – более или менее эффективная адаптация к условиям природно-социального существова-

ния и, как следствие, постепенно усугубляющаяся духовная несостоятельность.

А. Бергсон утверждает, что сознание, будучи свободным по своей сущности, не может пройти через материю, не приспособившись к ней [1]. Это приспособление французский философ именует интеллектуальностью и подчеркивает, что интеллект «всегда пренебрегает присущей свободным действиям новизной и творчеством. Он всегда заменяет самое действие искусственным, приблизительным подражанием ему посредством соединения друг с другом прежних элементов» [1, с. 298-299]. Работа Бергсона здесь вполне очевидна. И многовековой опыт человечества, и результаты антропологических изысканий наглядно свидетельствуют о том, что человек, будучи индивидуальным носителем сознания, в ответ на любые преобразования материальных условий своей жизни неизбежно меняется, причем не только в природном, но и в социальном отношении. Нет сомнения и в том, что разнообразные внедуховные реалии своего осуществления он действительно дедуцирует из заведомо ограниченного набора их возможных вариантов, однако о творчески опосредованных духовных изменениях в нем самом, в его мироотношении ничего подобного сказать нельзя.

То, что во внешних проявлениях адаптирующегося человека оказывается социально приемлемым, бывает как весьма изощренным, так и откровенно примитивным. Примером первого может служить самореализация в сфере производства и потребления так называемых произведений «высокой моды» и «элитарного искусства», довольно-таки эффектно имитирующая творчество, примерами второго – редуцированные варианты аналогичной операции с их «массовыми» эквивалентами. В любом случае та активность, что проявляется подавляющим большинством людей, к истинному творчеству, к вдохновенному преобразованию доступных фрагментов Мира, а вместе с ними – и самого себя никакого отношения не имеет. Ранее творчески относившиеся к действительности, но впоследствии ассимилированные социальным механизмом человеческие существа перестают созидать (постепенно загоняя вглубь себя и утрачивая при этом соответствующие способности и потребности) и начинают производить. Становясь деталями такого механизма, они вместо совершения добрых поступков по отношению к лю-

дям производят услуги, конкретный адресат которых существенного значения не имеет; изготовление предметов жизнеобеспечения замещается производством товаров.

В наши дни немало людей всецело посвящают себя «погоне за богатством», «деланию денег». Стоит уточнить, что если это занятие, бизнес и не отождествляется с творчеством (попытки рефлексировать здесь весьма нечасты!), то обычно воспринимается как нечто родственное ему. Социальная стимуляция такого рода представлений бывает весьма интенсивной, часто – целенаправленно спроектированной и последовательно осуществляемой (например, теле-реклама). Как и многие из социальных реалий, бытующие представления о родстве творчества и «погони за богатством» достойны лишь частичного признания. Ведь в самом деле нет никаких сомнений в том, что творчество самодостаточно и в своей целостности, и в частных, процессуальных и результативных измерениях. Что же касается «делания денег», то если оно и самодостаточно в процессуальном измерении, то результат его (даже положительный, желанный и полагаемый заслуженным) сам по себе бессмысленен.

Близкой к творчеству выглядит и «погоня за властью». Но эта близость сродни той, которая обнаруживается между творчеством и «деланием денег». Что же касается соотношения «погони за властью» и «делания денег», то оно напоминает соотношение желаний сиамских близнецов, не отделенных друг от друга посредством успешной хирургической операции, в контексте их возможной независимости друг от друга. Для внешнего наблюдателя их желания могут совпадать как полностью, так и частично или же не совпадать вовсе. В любом случае сиамские близнецы, будучи индивидуальными человеческими существами, неразрывно связаны между собой настолько тесными узами, что не только об их реальной независимости, но и об отсутствии фатальной непреходящей взаимообусловленности, взаимопроникновения свойственных им желаний не может быть сказано ничего, что верно отражало бы реальное положение вещей. Сиамские близнецы всегда действуют совместно, вне зависимости от меры совпадения их подлинных желаний. Они просто не могут жить иначе. Они всегда вместе не благодаря и не вопреки своим желаниям. Их изначально-сущностная мотивационно-по-

веденческая интегрированность проистекает из однородности и частичной совмещенности их организмов. Полагаю, что неотделимость друг от друга «погони за властью» и «делания денег» также имеет вполне определенное основание. Думается, что данные явления представляют собой частные случаи реализации свойственного человеку стремления (редко им, впрочем, осознаваемого) оказаться единственным субъектом в мире объектов.

Существование в условиях, когда социальное снимает природное и доминирует над духовным, проводит довольно-таки четкую демаркационную линию между человеком-творцом и человеком, проявляющим некоторую – эпизодическую и неустойчивую – склонность к творческому освоению действительности. Первый творит в любых условиях, второй более или менее легко поддается социальному формированию и без сколько-нибудь значительного внутреннего сопротивления начинает отождествлять себя со своей личностью, то есть совокупностью тех социальных ролей, которые он осваивает и исполняет на протяжении всей своей жизни. В последнем случае целостное человеческое существо нередко и в самом деле не только в своих собственных глазах, но и в глазах окружающих его людей редуцируется до личности с ее более или менее масштабными карьерными устремлениями, ориентацией на престиж и комфорт, принятием потребительского отношения к себе и другим, иллюзорной самодостаточностью.

Впрочем, и творец испытывает на себе давление социальной действительности, противопоставляющей непреходящим ценностям твор-

чества калейдоскопическую стереотипность сиюминутных соблазнов и многообразные способы вовлечения в сугубо утилитарную деятельность. Но не творить он не может, и ему зачастую приходится отдавать силы и время преодолению трудностей, не имеющих никакого реального отношения к созиданию нового. Постоянно проявлять активность в открытом противостоянии неблагоприятным социально-жизненным обстоятельствам по силам далеко не каждому из творцов. Многие из них, не опускаясь до оперативной-ситуативной социальной адаптации, избирают относительно пассивное сопротивление развращающе-нивелирующим обстоятельствам, минимизируют внешние проявления склонности к творчеству («пишут в стол» и т. п.), порой без надежды заинтересовать современников не только процессом, но и результатами своей деятельности. Что же касается изменений, происходящих с самим «ушедшим во внутреннюю эмиграцию», но при этом вполне креативно действующим человеком-творцом, то духовная составляющая его целостного существа продолжает свое становление.

Таким образом, творчество представляет собой форму, в которой, и только в которой, происходит становление духовной составляющей индивидуальной целостности человека. Посредством творчества индивид обретает уникальную, подлинно человеческую качественную определенность, отождествляет себя с самим собой как природно-социально-духовной целостностью, становясь существом, способным выстраивать гармоничные отношения с доступными фрагментами Мира и приобщаться к тайнам бытия.

15.05.2010 г.

Список литературы:

1. Бергсон, А. Творческая эволюция // Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Минск: Харвест, 1999. – С. 7-412.
2. Бердяев, Н.А. Проблема человека // О человеке, его свободе и духовности: избранные труды / Н.А. Бердяев; ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Флинта, 1999. – С. 21-37.
3. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 302 с.
4. Булгаков, С.Н. Сочинения: в 2 т. / С.Н. Булгаков. – М.: Наука, 1993. – Т. 1: Философия хозяйства. – 603 с.
5. Левицкий, С.А. Сочинения: в 2 т. / С.А. Левицкий. – М.: КАНОН, 1995. – Т. 1: Трагедия свободы. – 511 с.
6. Платон. Пир // Федон. Пир. Федр. Парменид / Платон. – М.: Мысль, 1999. – С. 81-134.
7. Уайльд, О. Тюремная исповедь // Избранное / О. Уайльд. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 327-426.

Сведения об авторе: Беляев Игорь Александрович, доцент кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, факультет гуманитарных и социальных наук, кандидат педагогических наук, тел. (3532)560626, e-mail: igorbelyaev@list.ru

Belyaev I.A.

CREATION AS THE FORM OF THE FORMATION OF THE INDIVIDUAL INTEGRITY OF A PERSON

The article is dedicated to a study of creation in the context of ideas about the man as natural-social-spiritual essence. The author shows that the creation is such form of the formation of the individual integrity of man, which serves as the expression of the spiritual content of this process.

The key words: man, integrity, the formation, spiritual, creation